

Сара Джо

*Посвящается моим сыновьям,
Карсону, Расселу и Колби,
и их мягким игрушкам —
потрепанному мишке,
трем порванным жирафам
и маленькому полосатому тигру.
Я ваша мать,
и это самая большая радость
в моей жизни.*

*Посвящается также
всем матерям, особенно тем,
кому пришлось навсегда
расстаться со своим ребенком.*

Глава 1

ВЕРА РЭЙ

Сизтл, 1 мая 1933 года

Сквозь щели дощатого пола повеяло холодом, я задрожала и плотнее закуталась в серый шерстяной жакет. На нем осталась всего одна пуговица. Они стоили по пять центов за штуку, и мне казалось глупостью думать о том, чтобы пришить новые. Да и весна уже пришла. Или нет? Я выглянула в окно третьего этажа и прислушалась к тому, как свистит и сердито завывает ветер. Ветви старой вишни с такой силой ударили в стену дома, в котором я снимала крохотную квартиру, что я подскочила, испугавшись, как бы новый удар не разбил стекло. В этом месяце мне бы ни за что не удалось заплатить за то, чтобы вставили новое. И в эту секунду неожиданное зрелище на мгновение заставило меня забыть о моих тревогах. В воздухе закружились легкие розовые лепестки. Я вздохнула и улыбнулась. Совсем как снег.

— Мама! — пискнул из-под старого стеганого голубого одеяла Дэниел. Я отбросила одеяльце в сторону и увидела его милое круглое личико и мягкие белокурые волосы, которые все еще завивались на концах. Его младенческие волосики. В свои три года, с пухлыми розовыми щеками и большими гла-

зами такого пронзительно-голубого цвета, что от взгляда на них замирало сердце, он был уже не младенцем, но еще и не мальчуганом. Во сне Дэниел выглядел точно так, как в тот день, когда родился. Иногда ранним утром я на цыпочках прокрадывалась в его комнату и смотрела, как он спит в обнимку со своим маленьким плюшевым мишкой с оторванным ухом и потрепанным голубым бархатным бантом.

— Что случилось, милый? — спросила я, опускаясь на колени рядом с маленькой сосновой кроваткой, не забыв бросить опасливый взгляд на окно, за которым бушевал ветер. Ну что я за мать, если собираюсь оставить его здесь одного этой ночью? Я вздохнула. Но разве у меня есть выбор? Кэролайн работала в ночную смену. И я не могла снова взять сына с собой в гостиницу, особенно после того, что случилось в прошлые выходные, когда Эстелла нашла его спящим в апартаментах в пентхаусе на девятом этаже. Она прогнала его из-под теплого пухового одеяла, словно он был мышью, застигнутой на кухне в банке с мукой. Малыша это страшно напугало, а я едва не лишилась работы. Нет, здесь, в своей кроватке, моему дорогому мальчику будет хорошо, он будет в тепле и в безопасности. Я запру дверь. Стены дома были действительно тонкими, а вот дверь была крепкой, внушительная дверь из красного дерева с отличным медным замком.

Мы оба вздрогнули, когда в квартиру постучали, требовательно, громко, настойчиво. Дэниел сморщился.

— Это снова он, мама? — спросил сын громко, а потом понизил голос до шепота: — Тот плохой дядя?

— Не волнуйся, дорогой, — сказала я и встала. — Скорее всего, это просто тетя Кэролайн. Ты оставайся здесь, а я пойду и посмотрю.

Я спустилась вниз и на мгновение остановилась в гостиной, буквально застыла, пытаясь сообразить, что делать. Стук в дверь не прекращался. Барабанили уже изо всех сил. Я знала, кто это, и знала, что ему нужно. Я бросила взгляд на сумочку: в ней не больше доллара, может быть, наберется два. Арендную плату следовало внести еще три недели назад, и я оправдывалась перед мистером Гаррисоном, находя различные предлоги, но что мне делать теперь? Последний чек я потратила на продукты и новую пару обуви для Дэниела, моего бедного мальчика. Не мог же он и дальше втискивать ножки в старые ботиночки, которые ему немилосердно жали?

Тук. Тук. Тук.

Стук в дверь, словно эхо, повторял биение моего сердца. Я была напугана, чувствовала себя как в ловушке. Квартира вдруг стала похожей на клетку. Стены как будто опутывали меня колючей проволокой. Что же мне делать? Я по привычке посмотрела на запястье. С тех пор, как отец Дэниела подарил мне самое изысканное украшение, которое я только могла себе представить, я очень дорожила золотой цепочкой с тремя изящными сапфирами. В ту ночь в отеле «Олимпик» я была гостьей, а не горничной в черном форменном платье и белом переднике. Когда я открыла узкую синюю коробочку, а он надел браслет мне на руку, я впервые почувствовала себя женщиной, рожденной для того, чтобы носить

такие украшения. Тогда мне даже в голову не приходило, что я могла бы... Я крепко зажмурилась, а стук в дверь всё продолжался. Я начала расстегивать браслет, потом покачала головой. Нет, это я ему не отдам. Так легко я не сдамся. И я подняла браслет повыше, чтобы он плотнее облегал руку, и спрятала его под рукавом. Придется найти другой способ.

Сделав глубокий вдох, я медленно подошла к двери и неохотно отодвинула задвижку. Петли скрипнули, и передо мной предстал мистер Гаррисон, стоявший в коридоре. Он был крупным мужчиной, высоким и плотным. Легко было понять, почему Дэниел так его боялся. Суровое лицо хозяина дома покрывала серая неухоженная борода. Видны были только кирпично-красные щеки со следами оспы и темные злобные глаза. От него пахло джином, сосной и кислотой, и было понятно, что он только что вышел из салуна на первом этаже. Строгие правила сухого закона еще не были окончательно отменены, но в этой части города полиция обычно смотрела на нарушения сквозь пальцы.

— Добрый вечер, мистер Гаррисон, — поздоровалась я как можно ласковее.

Он сделал шаг вперед и поставил тяжелый сапог со стальным носком на порог.

— Обойдемся без формальностей! — рявкнул он. — Где мои деньги?

— Прошу вас... Я хотела бы извиниться, сэр, — начала я дрожащим голосом. — Я знаю, что задержала арендную плату. Для нас месяц был очень тяжелым, и я...

— Я слышал от тебя эту историю на прошлой неделе. — Голос мистера Гаррисона звучал ровно, но не менее угрожающе. Он протиснулся мимо меня и прошел в кухню, где отрезал ломтик хлеба от буханки, которую я только что вытащила из духовки. *Мой ужин.* Он открыл дверцу морозилки и нахмурился, не найдя там масла. — Я спрашиваю тебя еще раз, — продолжал мистер Гаррисон, и его лицо напряглось. Глаза превратились в щелочки. — Где мои деньги?

Я вцепилась в браслет, а мой взгляд устремился мимо него на стену с облезшими шкафчиками и облупившейся краской. Что же мне ему сказать? Что же делать?

Мужчина хохотнул.

— Так я и думал, — сказал он, — бесчестная лгунья.

— Мистер Гаррисон, я...

Его глаза по-хозяйски оглядели меня. Он подошел ближе, еще ближе, пока я не ощутила его злобонное дыхание и не почувствовала колючую бороду. Гаррисон крепко схватил меня за запястье, почти как браслет, который обнимал мою руку под рукавом платья, скрытый от его глаз.

— Я так и думал, что может дойти до этого, — пробормотал он, а его жирная грубая рука распахивала мой жакет и хваталась за лиф платья. Указательный палец домовладельца ухватился за пуговицу. — Тебе повезло, я щедрый человек, и я разрешаю тебе расплатиться со мной *по-другому*.

Я сделала шаг назад и сразу же услышала шаги на лестнице.

— Мама?

— Дэниел, возвращайся в кроватку, милый. — Я постаралась, чтобы мой голос звучал как можно спокойнее. — Я сейчас поднимусь к тебе.

— Мама! — снова позвал Дэниел и заплакал.

— Лапочка ты моя. — Я молилась про себя, чтобы голос не выдал охватившего меня ужаса. — Все в полном порядке. Честное слово. *Пожалуйста*, возвращайся в постель.

Я не могла позволить, чтобы мой сын увидел происходящее или чтобы мистер Гаррисон сделал ему больно.

— Мама, мне страшно! — Голос Дэниела звучал глухо, потому что он прикрывал рот своим плюшевым мишкой.

Мистер Гаррисон откашлялся и одернул свой плащ.

— Что ж, раз ты не можешь его заткнуть, — прорычал он, глядя на мальчика со злобщей улыбкой, — тогда мне придется вернуться. И не надейся, что я передумаю. Я *обязательно* вернусь.

Мне не понравилось то, как Гаррисон посмотрел на Дэниела, словно тот был домашним животным, досадной помехой. Потом его взгляд вернулся ко мне, и он уставился на меня так, будто перед ним был отличный стейк, скворчащий на сковородке.

— И ты мне заплатишь.

Я едва кивнула, пока он направлялся к двери.

— Да, мистер Гаррисон...

Я возилась с задвижкой, а его шаги гулко отдавались в коридоре. Прежде чем повернуться к Дэниелу, я глубоко вдохнула и смахнула со щеки слезу.

— О, Дэниел. — Я взбежала по лестнице и крепко обняла сынишку. — Ты испугался, мой дорогой? Не бойся. Мама здесь. Не о чем волноваться.

— Но этот дядя, — всхлипнул малыш, — он плохой. Он сделал тебе больно?

— Нет, милый, — ответила я. — Мама никогда бы ему этого не позволила.

Я расстегнула браслет и положила его на ладонь. Тут он был в безопасности.

Дэниел посмотрел на меня, ничего не понимая. А я смотрела в его большие невинные глаза и надеялась, что все сложится иначе, для него, для меня, для нас обоих.

— Мама любит свой браслет, милый. Я просто хочу, чтобы он находился в надежном месте.

Мальчик задумался.

— Чтобы ты его не потеряла?

— Именно так. — Я выпрямилась и взяла его за руку. — Ты сможешь маме спрятать его в *тайное место*?

Дэниел кивнул, и мы подошли к крошечному потайному шкафчику под лестницей. Это он нашел тайник однажды утром во время игры. Ниша в стене была не больше шляпной коробки, и мы решили, что это будет наш с ним тайник, о котором больше никто не узнает. Дэниел хранил в нем свои сокровища: голубое перо, которое он нашел на улице; банку из-под сардин, куда он сложил гладкие камешки,

и разные другие мелочи. Закладка для книг. Сверкающая монета. Сверкающая раковина моллюска, выбеленная солнцем. Я положила в шкафчик его свидетельство о рождении и другие документы, которые следовало сохранить. А теперь я спрятала в наш тайник и свой браслет.

— Вот так, — сказала я, закрывая дверцу и восхищаясь тем, что она мгновенно слилась с деревянной обшивкой стены. Интересно, как все-таки Дэниел обнаружил тайник?

Малыш прижался головой к моей груди.

— Ты споешь мне песенку?

Я кивнула, убрала белокурые волосы с его лба, в очередной раз удивляясь, как он похож на своего отца. Если бы только Чарльз был здесь. Я быстро прогнала эту мысль, эту фантазию, и запела.

— Ты не плачь, усни, мой мальчик, баюшки-баю. Утром встанешь и поскачешь на своей лошадке...

Слова слетали с моих губ, успокаивая нас обоих.

Я спела четыре куплета. Этого хватило, чтобы веки Дэниела отяжелели. Я отнесла его в постель и снова укрыла стеганым одеялом.

Его глаза затуманились, когда он рассматривал мое черное платье и белый передник.

— Мама, не уходи!

Я коснулась его подбородка.

— Я ненадолго, мой дорогой. — Я поцеловала сына в обе щеки, мягкие и прохладные.

Дэниел уткнулся лицом в мишку, потерся носом о его нос-пуговку — он так делал с младенчества.

— Я не хочу.

Он помолчал, его разум отчаянно пытался подобрать нужные слова.

— Мне страшно, когда тебя нет.

— Я знаю, любовь моя. — Я пыталась сдержать слезы. — Но я должна идти. Потому что я люблю тебя. Когда-нибудь ты это поймешь.

— Мама, — продолжал Дэниел, глядя в окно, за которым завывал ветер. — Ева говорит, что по ночам появляются привидения.

Мои глаза расширились. Воображению дочки Кэролайн можно позавидовать! А ведь ей только три с половиной года!

— И что же рассказывала тебе Ева?

Дэниел помолчал, будто обдумывая ответ.

— Ну, — осторожно начал он, — когда мы играем, на нас иногда смотрят люди. Они привидения?

— Кто на вас смотрит, милый?

— Та леди.

Я опустилась на колени, чтобы наши глаза были на одном уровне.

— Какая леди, Дэниел?

Он сморщил нос.

— В парке. Мне не нравится ее шляпа, мама. На ней перья. Она что, убила птичку? Я люблю птичек.

— Нет, дорогой, — успокоила его я, поклявшись про себя поговорить с Кэролайн о тех историях, которые рассказывает Ева. Я подозревала, что именно они стали причиной ночных кошмаров, которые мучили сына в последнее время.

— Дэниел, что мама говорила тебе о разговорах с незнакомыми людьми?